

Лермонтов: дуэль и другие загадки

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Полвека носит имя этого великого русского поэта Центральная городская библиотека Ярославля. Дату отметила она фестивалем российских книжников и традиционными научными чтениями. Одним из участников их стал сопредседатель российского Лермонтовского комитета, специалист центра кавказских исследований столичного университета международных отношений — знаменитого МГИМО, Владимир Захаров. Нашему корреспонденту он рассказал много интересного.

— Одна из ваших книг, изданная уже в начале нового столетия, называется «Загадка последней дуэли». А что, Владимир Александрович, гибель поэта, судя по заглавию, и сегодня остается неразгаданной тайной?

— Так и есть. Пытаюсь ее разгадать.

— И много таких загадок в судьбе «одиноким гения»?

— На наше поколение исследователей, думаю, с лихвой хватит.

— Какая из них, по-вашему, самая трудная?

— Ну хотя бы происхождение Лермонтова. О его папеньке с маменькой, о том, где и как они познакомились, при каких обстоятельствах поженились, ничего не известно. Церковных записей об их венчании так и не обнаружили.

— В книге у вас есть раздел со странным названием «Лермонтов ли Лермонтов?» Не соскучились.

— Как называл свою рукопись мой учитель, составитель «Лермонтовской энциклопедии» академик Виктор Мануйлов. Статью он написал еще в начале 70-х годов, опубликовать же ее так и не решился. Как раз работал над энциклопедией и поостерегся попасть в немилость к литчиновникам. Передал рукопись мне уже в следующем десятилетии с наказом «докопаться до истины». Вопрос поставил ребром: кто в действительности был отцом поэта?

— Неужели не отставной майор Юрий Петрович Лермонтов, как нас в школе учили, коего Мишель нежно называл «папенькой»?

— На чтениях в Ярославле я хотя бы отчасти, надеюсь, вопрос прояснил. Суть его в том, что по легенде старожилы пензенских Тархан, где в усадьбе бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой прошло детство поэта, отцом его был крепостной кучер. Чтобы скрыть грех дочери, а за внуком сохранить дворянские привилегии, хозяйка усадьбы сумела-таки сосватать ее с отставным майором Лермонтовым. Приплачивала ему за это, те закладные бумаги сохранились.

— Как оценил сногшибательную версию ваш учитель?

— В общем, осторожно, но

все же считал, что «доля истины» тут есть. Я обсуждал тему с коллегами уже после перестройки, и почти все говорили, что поднимать ее не стоит, потому что, дескать, это ничего нового для понимания жизни и творчества классика не даст.

— Как думаете вы?

— Стараюсь быть верным наказу учителя, хочу вот именно до истины докопаться.

— Как же нам тогда понимать хрестоматийную юношескую строку поэта «В горах Шотландии моей»? Сказано же — «моей».

Фото Алены СОЛОВЬЕВОЙ.

— В юности под воздействием, скорее всего, рассказов Юрия Петровича о шотландских корнях рода, о предке-поэте Томасе Рифмаче Мишель весь был в испанцах и шотландцах. Когда же ему исполнилось шестнадцать, бабушка, предпологаю, открыла внуку тайну его рождения. Шотландские мотивы в стихах Лермонтова исчезли. Зато он написал стихотворение с такими начальными строками: «Ужасная судьба отца и сына, жить розно и в разлуке умереть». Кто не знает, что поэт воспитывала бабушка и с папенькой Юрием Петровичем сын жил «розно».

— Разве это не так?

— Так-то так, но не о Юрии Петровиче, думаю, идет речь, а об отце настоящем, утаенном. Подсказка — в следующих двух строках: «И жребий чуждого изгнанника иметь на родине с названьем гражданина». Кто этот гражданин? Я уверен: настоящий отец, коего Мишель так никогда и не узнал. Тот от хозяйки усадьбы получил вольную...

— ...С условием никогда больше не попадаться на глаза?

— Может, и так. Тем более что слово «гражданин» значе- ния имело и другое. Так называли бывших крепостных. Размышлениями о том, «Лермонтов ли Лермонтов?», постараюсь поделиться с читателями в новой книге. Как бы там ни было, а тот тайный комплекс не мог не повлиять на душу поэта, да и на его судьбу тоже.

— О причине дуэли шла

речь на наших чтениях в докладе заведующей Лермонтовским кабинетом Пушкинского дома Ольги Миллер «Миф о вскрытом письме». Как вы относитесь к тому, что сей эпизод, по словам Миллер, из истории дуэли вообще «лучше бы выбросить»?

— Вкратце напомним читателям об этом мифе: родители Николая Мартынова послали сыну с его старым приятелем Лермонтовым из Пятигорска в часть письмо, а тот взял да и вскрыл его.

— А как было?

— На том, что Мартынов, вызвав Лермонтова на дуэль, вступился за честь семьи, до сих пор настаивают его предки, живущие за рубежом. Последняя такая публикация относится к 2004 году. Версия, как видите, живучая. Я солидарен с Ольгой Миллер: придумали такую версию после дуэли, Мартынову могли ее подсказать его сторонники, чтобы оправдаться на суде. Письмо и деньги, в него вложенные, у Лермонтова просто-напросто украли, не верить ему у нас нет никаких оснований, то дело рук казачков-таманцев. А вскрыть чужое письмо дворянину Лермонтову честь не позволяла. Причиной же дуэли, убежден, стала самая банальная мужская ссора на вечеринке.

— Всего-то навсего? А как же версия заказного убийства, по приказу царя? Есть же такая: вольнодумца-поэта застрелил казак из-за ку- стов?

— Поправлю вас: не есть, а была. В годы сталинских репрессий даже выпускали плакаты в духе времени — с изображением места, где засел «киллер», и траекторией полета пули. После войны это забылось, но когда еще полтора десятилетия спустя застрелили президента США Кеннеди, версию по аналогии опять вспомнили, появились публикации о заговоре против Лермонтова.

— Так что же о загадке дуэли думаете вы?

— По воспоминаниям очевидцев и другим документам я восстановил все обстоятельст-

ва роковой размолвки Мартынова и Лермонтова на вечеринке в пятигорском доме генерала Верзилина. Старый знакомый Лермонтова еще по юнкерской школе отставной майор Мартынов вел в Пятигорске жизнь светского повесы. Красавец и позер, одевался под джигита, щеголял перед дамами в черкессе с замечательной величины кинжалом. В недобрый час Лермонтов подшутил над ним, по-французски назвал его «горцем с длинным кинжалом». В ответ в тоне весьма сдержанном насмешник услышал следующее: мол, сколько раз просил вас «оставить свои шутки при даме». И отошел, не дав Лермонтову ответить. Но на следующее утро Мартынов свою просьбу повторил ему в лицо. По воспоминаниям очевидцев, реакция Лермонтова и тут была довольно мирной: «Что ж, — сказал он, — на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?» Мартынов решительно ответил «да» и назначил день.

— Выходит, ссора была чистой случайностью?

— Выходит, так. Если, конечно, считать случайностью сшибку двух дерзких упрямцев с взрывными темпераментами. Справедливости ради надо сказать, Мартынов не был таким отчаянным храбрецом, как Лермонтов, и это все знали.

— Майор Мартынов ведь стихи писал?

— Да, и прозу. Подражал своему кумиру. У Мартынова есть поэма о Кавказской войне. Сочинил он ее, возможно, в подражание или влику лермонтовскому «Валерику». Но если Мартынов восхваляет сомнительные воинские доблести, сожжение аулов и посевов, угон скота, то Лермонтов оставил нам в этом стихотворении великий вопрос — он и сегодня звучит злобой дня, недаром прозвучал и на чтениях, — строки о «жалком человеке»: «Чего он хочет!.. Небо ясно, под небом места хватит всем, но беспрестанно и напрасно один враждует он — зачем?»

— Ссора действительно гроша ломаного не стоила. Но ведь на попятную никто не пошел?

— Лермонтов считал Мартынова добрым малым, но в жизни близко к себе не подпускал. Как было на дуэли? Один подошел к барьеру, второй подошел. Стрелялись на три счета, когда на спуск нажимали между словами «два» и «три». Курки взведены, а ни тот, ни другой не стреляет. Секунданту Столыпину мгновения тишины, видимо, показались вечностью, и он закричал: «Стреляйте, или я развожу дуэли!» И тут Лермонтов выпалил слова, что стоили ему жизни: «Я в этого дурака стрелять не стану». Мартынов взорвался, он поднял пистолет, выстрелил и, не будучи хорошим стрелком, попал.

Беседовал
Юлиан НАДЕЖДИН.